

О поле (судебном поединке) в русском праве XV — начала XVII в.

Аннотация. Поле (судебный поединок) — процессуальный институт, известный источникам права средневековой Руси как минимум с XIII в. В течение нескольких столетий поле широко использовалось как средство доказывания и уже в XV в. было подвергнуто детальной правовой регламентации. Ряд крупных нормативных правовых актов регулировали условия и порядок проведения поединка, его юридические последствия и размер «полевых пошлин». Возможность участия в поединке также подробно регулировалась законодательством. Сохранившиеся материалы судебной практики позволяют уточнить эти сведения и утверждать, что участниками поединка могли быть не только истец, ответчик, свидетели и их «наймиты», но и судьи, рассматривавшие дело до процедуры доклада. Кроме того, в судебном поединке могли принимать участие холопы, представлявшие своих господ и не считавшиеся «наймитами». Следует также отметить, что, несмотря на негативное отношение к судебным поединкам со стороны русской церкви, от участия в поле не отказывались монахи и священнослужители. Вместе с тем актовый материал свидетельствует о понимании необъективности данного средства доказывания и постепенном снижении количества проводимых поединков, которые стали редкостью уже в XVI в., хотя окончательное исчезновение следов этого правового института из законодательства произошло только в XVII в.

Ключевые слова: поле; судебный поединок; доказательства; доказывание; судебный процесс; Московская Русь; средневековая Русь; Псковская судная грамота; Судебник 1497 г.; Судебник 1550 г.

Для цитирования: Староверова Е. В. О поле (судебном поединке) в русском праве XV — начала XVII в. // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 104–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.

On the «Field» (Trial by Combat) in Russian Law in the 15th — Early 17th Centuries

Ekaterina V. Staroverova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Disciplines of the Higher School of Public Audit (Faculty), Lomonosov Moscow State University
4staroverova@mail.ru

Abstract. The «Field» (trial by combat) is a procedural institution known to the sources of law of medieval Rus' at least from the 13th century. For several centuries, the «field» was widely used as a means of proof, and was subject to detailed legal regulation as early as in the 15th century. A number of major regulatory legal acts regulated the conditions and procedure for the trial by combat, its legal consequences and the amount of «field duties». The

© Староверова Е. В., 2024

* Староверова Екатерина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Россия, 119991
4staroverova@mail.ru

possibility of participating in such a trial was also regulated by law in detail. The surviving materials of judicial practice make it possible to clarify this information and assert that the participants to the trial of combat could have been not only the plaintiff, defendant, witnesses and their «hires,» but also the judges who considered the case before the reporting procedure. In addition, slaves who represented their masters and were not considered «hiremen» could take part in a trial by combat. It should also be noted that, despite the negative attitude towards trials by combat on the part of the Russian Church, monks and clergy did not refuse to participate in the «field». At the same time, the legal papers show that they understood the bias of this means of proof and a gradual decrease in the number of fights, which became rare as early as in the 16th century, although the final disappearance of traces of this legal institution from legislation occurred only in the 17th century.

Keywords: field; trial by combat; proof; establishment of evidence; trial; Moscow Rus'; medieval Rus'; Pskov judicial charter; Law Book of 1497; Law Book of 1550.

Cite as: Staroverova EV. On the «Field» (Trial by Combat) in Russian Law in the 15th — Early 17th Centuries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):104-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.

Поле, или судебный поединок, — это процессуальное действие, имеющее древнее происхождение и языческие корни. По определению В. И. Сергеевича, «под судебным поединком разумеется решение спора силою: кто победит из спорящих сторон, тот и считается правым»¹.

Первые упоминания о судебных поединках на Руси можно встретить у арабских писателей X в. Например, Ибн-Даста пишет: «Когда царь (т.е. князь. — Е. С.) произнесет приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя недовольны, то, по его приказанию, должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одерживает верх»². Из этого описания создается впечатление, что в древнерусском праве «поле применялось как процедура пересмотра решений князя»³. Возможно, именно поэтому современный исследователь А. М. Смирнов озаглавил свою статью так противоречиво: «Судебный

поединок в Древней Руси как вид внесудебного разбирательства»⁴.

В действительности памятники русского права, в которых упоминается поле, не дают никаких оснований полагать, что судебные поединки на Руси осуществлялись вне суда или были напрямую связаны с пересмотром судебных актов. Скорее, наоборот, решение о назначении поединка могло быть пересмотрено — по крайней мере московское право допускает «с поля со всякого пересуд» (ст. 64 Судебника 1497 г.⁵ и ст. 51 Судебника 1550 г.⁶).

Основываясь на материалах русского законодательства и судебной практики, можно утверждать, что поле представляло собой процессуальное действие, производимое в рамках судопроизводства в состязательном процессе с целью разрешения спора «при отсутствии, недостаточности или сомнительности других доказательств»⁷. Не так давно было высказано мнение, что поединок являлся прообразом судебного

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 590.

² Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869. С. 37–38.

³ История суда и правосудия в России / отв. ред. С. А. Колунтаев, В. М. Сырых. М., 2017. Т. 1. С. 387.

⁴ Смирнов А. М. Судебный поединок в Древней Руси как вид внесудебного разбирательства // Российский судья. 2014. № 2. С. 39–41.

⁵ Судебник 1497 г. приводится по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 54–61.

⁶ Судебник 1550 г. приводится по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 97–128.

эксперимента и судебной экспертизы⁸, однако эти виды процессуальных действий не имеют с полем ничего общего⁹. В отличие от судебной экспертизы и следственного эксперимента, которые позволяют проверить и уточнить данные, имеющие отношение к конкретному делу, судебный поединок, как и все средневековые ордалии, «по форме и образу имеет характер случайности»¹⁰, т.е. позволяет определить победителя в судебном споре на основе произвольного фактора, непосредственно с обстоятельствами дела не связанного.

Начиная с Договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., поле упоминается во множестве источников права средневековой Руси¹¹, однако наиболее подробно особенности его применения в судопроизводстве раскрываются в таких законодательных актах, как Псковская судная грамота (далее — ПСГ)¹², Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. Некоторые из этих особенностей (в частности, связанные с определением размера «полевых пошлин», выплачиваемых в пользу различных должностных лиц¹³) обстоятельно анализировались в научной литературе и не нуждаются в дополнительном освещении. Другие хотелось бы рассмотреть более детально.

Согласно законам, судебные поединки могли назначаться в земельных спорах, в делах о займе, хранении, «торговле и поруке» и других обязательствах из договоров, а также в делах о вырывании бороды, «бое и грабеже», «пожеге», «душегубстве», разбое и «татьбе» (ст. 10, 13, 17, 18, 20, 21, 27, 36, 92, 101, 107, 117 ПСГ, ст. 6, 7, 38, 48 Судебника 1497 г., ст. 11, 12, 15, 16, 62 Судебника 1550 г.). Впрочем, следует согласиться с мнением С. В. Пахмана: «Поединком, как и присягою, решались вообще дела, производимые формою гражданского суда (т.е. состязательного процесса. — Е. С.), без различия предметов иска»¹⁴. Это косвенно подтверждается статьей 15 Судебника 1550 г., допускающей применение поля при разноречии свидетелей «в какове деле ни буди», и прямо — материалами судебной практики. Например, подавляющее число правых грамот Московской Руси, упоминающих поле, относятся к земельным спорам, которые в Судебниках 1497 г. и 1550 г. в качестве оснований для проведения судебного поединка не называются.

В научной литературе традиционно отмечается, что в судебном поединке могли участвовать истцы, ответчики, а также свидетели — «послухи»¹⁵. Об этом прямо говорится и в законо-

⁷ Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 183.

⁸ Игнатенко В. А. Судебные процедуры «ордалии» и «поле» в контексте правовой культуры древнерусского общества как прообразы судебных экспериментов и экспертиз: теоретико-правовой аспект // Формирование правовой культуры молодежи в условиях современной образовательной среды : материалы региональной (межвузовской) науч.-практ. конференции. Красноярск, 2021. С. 31–36.

⁹ При исследовании доказательств судьи действительно могли прибегать к методам, характерным для современной судебной экспертизы. Опираясь на тексты правых грамот, В. Б. Кобрин утверждал, что документы, предъявляемые в суде, «подлежали экспертизе, если одна из сторон подвергала сомнению их подлинность», причем в одном из дел «проводилась экспертиза не только почерка, но и характера подвески печатей» (Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 188, 189). Всё это, однако, никак не связано с судебным поединком.

¹⁰ Пахман С. В. Указ. соч. С. 35.

¹¹ Подробнее см.: Пашкова Т. И. Судебный поединок («поле») на страницах законодательных памятников средневековой Руси // Клио. 2004. № 3 (26). С. 57–62.

¹² ПСГ приводится по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 331–343.

¹³ Пашкова Т. И. Указ. соч. С. 58–60.

¹⁴ Пахман С. В. Указ. соч. С. 183.

дательных актах¹⁶. При этом материалы судебной практики позволяют сделать любопытные уточнения.

Во-первых, в Московской Руси, где окончательные решения по делу зачастую принимались в порядке доклада, в поле могли участвовать судьи, изначально проводившие судебное разбирательство. Когда судный список, составленный по результатам такого разбирательства, передавался на рассмотрение вышестоящего должностного лица или великого князя, на докладе сторонам процесса задавался вопрос: «Был ли вам таков суд, как в сем списке писано?» Если истец или ответчик утверждали, что «суд был, да не таков», судьи могли просить с ними поля. Такая ситуация имела место в 1557 г. в земельном споре между людьми помещиков Чулковых с крестьянами Троицкого Сергиева монастыря, но дело было решено без поля, поскольку «судные мужи», на которых ссылались истцы и судьи, «сказали, что им суд перед судьями, да и перед ними на спорной земле обоим исцем таков был, как в судном списке писано»¹⁷. В другом земельном споре 1558 г. истцы Даниил Андреевич Рясин и его сын Юшко на докладе утверждали, что чертеж размежевания земель по показаниям старожильцев «начертен неподделно и не по тому месту, куды <...> старожилцы шли»¹⁸, но царь и великий князь Иван IV вынес решение в пользу ответчиков, мотивировав его среди прочего тем, что «Данило же Рясин, да сын его Юшко <...> чертеж судьян лживили, а сказали что чертеж чертен неподделно; а судья Иван Асин говорил, что чертеж начертен подел-

но и против списка, как в списке писано, и ищя Данило Рясин, да сын его Юшко с судьей с Иваном Асиным поля и целованья не просили»¹⁹.

Из правой грамоты 1531 г. известен также любопытный случай оспаривания действий судьи спустя шесть недель после доклада. Истец Обляз Лодыгин утверждал, что судья Шарап Баскаков составлял черновой судный список, по содержанию отличавшийся от предъявленного на докладе. Вызванный к великому князю судья этот факт отрицал, и «в Облязово место человек его Истома попросил в том с Шарапом поля, что он тот список государю его дал, и Шарап с ним за поле поимался же»²⁰. Однако великий князь не стал назначать поединок, мотивировав решение тем, что истец «опричь поля в том списке черном довода на Шарапа не учинил никакова»²¹.

Как показывают материалы судебной практики, действия судей можно было обжаловать и в отдельном производстве. Тогда они могли участвовать в поединке, де-юре выступая в качестве ответчиков. Так, в 1538/1539 г. помещик Третьяк Гневашов предъявил иск к Левонтию Дунилову и Микифору Лихачеву, бывшими судьями в его споре с Пречистенским монастырем, которые якобы отвели землю «не по судному списку, и не по правой грамоте»²² и отняли у истца деревню Михайловскую. Судьи трижды просили поля, но оно так и не было назначено. В итоге они проиграли процесс, но в 1541 г. спорная земля была отсужена у Третьяка Гневашова по новому иску Пречистенского монастыря²³, что ставит

¹⁵ См., например: *Беляев И. Д.* Поле // *Москвитянин*. 1855. Т. 4. № 13–14. С. 47; *Михайлова И. Б.* Полевой поединок — норма права в средневековой Руси // *История повседневности*. 2016. № 1 (1). С. 136.

¹⁶ Об участии в поединке сторон судебного процесса упоминается в ст. 10, 13, 36, 37, 92, 101, 107 ПСГ, ст. 4–7, 52, 68 Судебника 1497 г., ст. 9–13, 19 Судебника 1550 г.; об участии послухов — в ст. 20, 21, 117 ПСГ, ст. 48, 49, 52 Судебника 1497 г., ст. 15–17 Судебника 1550 г.

¹⁷ Акты, относящиеся до гражданской расправы России. Т. 1 / сост. А. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. № 70. С. 164 (далее — АГР-1).

¹⁸ АГР-1. № 71. С. 178.

¹⁹ АГР-1. № 71. С. 191.

²⁰ Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках / сост. Н. П. Лихачев. СПб., 1895. Вып. 1. Разд. II. № IX. С. 190 (далее — СА).

²¹ СА. Вып. 1. Разд. II. № IX. С. 190.

²² АГР-1. № 55. С. 79.

под вопрос справедливость вынесенного против судей решения.

Во-вторых, под свидетелями, которые были вправе участвовать в судебном поединке, следует понимать послухов в самом широком смысле этого слова. Это могли быть не только обычные «знахори» и «старожильцы», но и «судные мужи», присутствовавшие при рассмотрении дела²⁴, и «розъезжие люди», участвовавшие в размежевании земель по итогам рассмотрения судебного спора²⁵, и «обыскные люди», на которых стороны ссылались в судебном процессе²⁶. Последний факт наиболее любопытен, поскольку в московском праве «обыск» (т.е. опрос населения с целью выяснения тех или иных обстоятельств, имеющих отношение к делу), как правило, носил массовый характер. Известен спор 1556 г., в котором ответчики просили поля с обыскными людьми истца общим количеством 61 человек²⁷, а затем истец просил поля с обыскными людьми ответчиков, которых насчитывалось 266 человек²⁸. В итоге поле в этом деле так и не было назначено.

В-третьих, хотелось бы обратить внимание на участие в поле монахов и священнослужителей. Дело в том, что православная церковь относилась к судебным поединкам крайне негативно. Это и понятно. Как отмечал С. В. Пахман, «принадлежа к разряду судов Божьих, поединок заключал в себе начало суеверное, элемент грубого заблуждения и потому должен был, подоб-

но другим ордалиям, встретить сильное противодействие со стороны начал, принесенных к нам с истинною религиею»²⁹. Так, еще в 1410 г. митрополит Фотий в своем послании к новгородцам запрещал священникам причащать польщиков перед поединком и хоронить убитых в бою под угрозой лишения священного сана, а людей, причинивших смерть, велел отлучать от причастия на 18 лет³⁰. Тем не менее, несмотря на негативную оценку судебных поединков и столь суровые предписания, правые грамоты XV и XVI вв. демонстрируют, что монахи и приходские священники просили о назначении поля довольно часто³¹.

В Стоглаве 1551 г. «языческая суеверная основа»³² судебных поединков и «чародейства», к которым нередко прибегали их участники, вновь были осуждены и названы «ересью» (гл. 41, вопрос 17)³³, а также было указано: «А крестного целования и поля священническому и иноческому чину не присуживати ни в которых делех по священным правилом, кроме душегубства и разбоя с полишным. В таких винах градские судьи да судят по царским законом» (гл. 68)³⁴. Незаметно, однако, чтобы это предписание серьезно повлияло на ходатайства монахов и приходских священников о назначении поединков. Лишь в деле 1556 г. священники из числа обыскных людей сослались на необходимость благословения епископа: «Велит нам Государь Святитель с ними крест целовати и на поле би-

²³ АГР-1. № 55. С. 85.

²⁴ АГР-1. № 55. С. 80.

²⁵ АГР-1. № 55. С. 80.

²⁶ АГР-1. № 49, 67, 70, 71. С. 64, 141, 142, 159, 160, 178, 179.

²⁷ АГР-1. № 67. С. 141.

²⁸ АГР-1. № 67. С. 142.

²⁹ Пахман С. В. Указ. соч. С. 179.

³⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 369. С. 462.

³¹ См., например: АГР-1. № 57, 71 с. 108, 110, 171; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1 / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1951. № 1-а. С. 15 (далее — АФЗХ-1); Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 18. С. 37; СА. Вып. 1. Разд. II. № XII. С. 223, 227.

³² Беляев И. Д. Указ. соч. С. 51.

³³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 307.

³⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 341.

тись; и мы, г-не, крест целуем, и на поле с ними битись лезем»³⁵.

Вместо участников судопроизводства в судебном поединке могли выступать «наймиты», которых не следует путать с «пособниками». В отличие от наймитов, пособники были призваны помогать сторонам во время судебного разбирательства, но не в поединке, выполняя роль судебных представителей и защищая их интересы словесно, а не физически. Именно поэтому пособники и наймиты полагались не совсем одинаковыми лицам³⁶. Например, глухому разрешалось иметь пособника, но не наймита, в то время как больной или увечный человек («немошна, или чем безвечен») мог иметь наймита, но не пособника (ст. 36 и 58 ПСГ).

Вообще, в законодательстве прослеживается желание «езде уравнивать механические силы состязающихся»³⁷, неразрывно связанное со стремлением «к устранению случайности поединков»³⁸. Так, ПСГ разрешала истцам и ответчикам прибегать к помощи наймитов, если это были люди старые, малолетние, больные или увечные, священники или монахи, а также если женщина выступала в суде против мужчины (ст. 22, 36, 119), причем противная сторона также имела право выставить наймита (ст. 36). А вот послухам наймиты не полагались (ст. 21). Судебник 1497 г. в целом повторил положения ПСГ, смягчив лишь одно предписание: если «послух» представлял истца или ответчика, имеющего право на наймита, то послух тоже мог его нанять (ст. 49, 52). Судебник 1550 г. пошел еще дальше и разрешил послуху выставлять наймита, если он будет «увечен без хитрости, или будет в послухах поп, или чернец, или черница, или жонка» (ст. 17), сформулировав при этом и общее правило: «А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с

небойцом не битца; а похочет небоец з бойцом на поле битись, ино им на поле битись» (ст. 14).

Судебная практика показывает, что от наймитов следует отличать лиц, представляющих в поединке истца или ответчика в силу зависимых отношений. Так, например, в рязанской правой грамоте, датируемой 1464–1482 гг. приводятся слова ответчика Остафея: «Человек мой, господине, на том целует крест, а яз шлю битца»³⁹. Тот же подход можно увидеть в споре 1552 г., в котором истец Илья Арбузов просил судей назначить судебный поединок с бортниками и старцами Никольского Дудина монастыря, заявив: «Уличаю их, господине, Крестом Животворящим, мои, господине, человек Мартынок крест целует и на поле битца лезет»⁴⁰. На это старцы и бортники ответили: «Крест, господине, целуем и наймита против Ильина человека посылаем битися»⁴¹. Легко заметить, что ни в одной из реплик Мартынок не называется наймитом. Любопытно также, что ст. 19 Судебника 1550 г. предписывала «наймитом битися», но «крест целовати» должны были истец и ответчик. В приведенных же случаях люди истцов и ответчиков сами должны были целовать крест. Это лишний раз подчеркивает, что ни человек Остафея, ни Мартынок в качестве наймитов не рассматривались.

Законодательные акты подчеркивают, что поле могло заканчиваться примирением сторон. И если ПСГ упоминает только один вариант такого примирения — «а только прощение возмут» (ст. 37), то Судебники 1497 г. и 1550 г. указывают уже на два варианта: «а у поля не стояв, помирятся», «а у поля стояв помирятся» (ст. 4 и 5 Судебника 1497 г., ср.: ст. 9 и 10 Судебника 1550 г.). Связано это, разумеется, с тем, что поединок происходил не во время судебного разбирательства, а назначался на определенный день в

³⁵ АГР-1. № 67. С. 141.

³⁶ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 374.

³⁷ Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 408.

³⁸ Пахман С. В. Указ. соч. С. 184.

³⁹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 4 / сост. А. В. Антонов. М., 2008. № 494. С. 363 (далее — АСЗ-4).

⁴⁰ СА. Вып. 1. Разд. II. № XII. С. 223.

⁴¹ СА. Вып. 1. Разд. II. № XII. С. 223.

определенном месте, причем своевременная явка польщиков на поединок гарантировалась поручительством⁴². Организацией поединка занимались специальные должностные лица, и момент примирения влиял на выплату в их пользу полевых пошлин. А вот непосредственное участие в бою влияло уже на ответственность сторон — тот, кто его проигрывал, признавался виновным и подвергался взысканию по иску или уголовному наказанию, в зависимости от характера дела. При этом ПСГ устанавливала любопытное ограничение: «А на труп кун не имати, толко ему доспех сняти или ино што, в чем на поле лезет» (ст. 37). Ученые сходятся во мнении, что данная статья запрещала в случае причинения смерти на поединке взыскивать сумму иска с наследников убитого⁴³. С. В. Пахман считал, что в этом проявилось стремление «законодательства к уменьшению числа поединков»⁴⁴, однако можно предположить, что существовала и другая, чисто процессуальная причина оставить иск без удовлетворения в подобной ситуации. Несомненно, результаты поля считались доказательством по делу, но судебный процесс заканчивается не исследованием доказательств, а вынесением решения, которое, строго говоря, и определяет, кто «прав» и кто «виноват» в судебном споре⁴⁵. При этом судебное решение не может быть вынесено, если истец или ответчик умер до окончания процесса, так как спора больше нет. Иначе говоря, суд должен зафиксировать итог поединка и при-

дать ему юридическое значение, выдав одной из сторон правую грамоту, без чего взыскание по иску осуществить невозможно, а значит, и с наследников убитого на поединке ничего получить нельзя. В судебной практике Московской Руси есть случаи, когда вследствие смерти одной из сторон до окончания процесса решение по делу не выносилось вовсе⁴⁶ или, при множественности ответчиков, выносилось только в отношении оставшихся в живых⁴⁷. В этих делах поле не назначалось, но это не умаляет самого процессуального принципа, который, по-видимому, и отражен в ст. 37 ПСГ.

Перспектива летального исхода или получения тяжких ранений, равно как и очевидная необъективность данного средства доказывания, сделали судебные поединки непопулярными уже к XVI в. Несмотря на то что участники судебного процесса с завидной регулярностью «имались за поле», назначалось оно крайне редко. В тех же случаях, когда судьи всё же назначали поединок, до боя почти никогда не доходило из-за неявки польщиков, замены поля целованием креста или отказа одной из сторон от своих претензий. Следует согласиться с Д. М. Мейчиком, который утверждал: «Поле же, т.е. судебный поединок, держалось более по старой памяти, в действительности доверие к нему было подорвано еще до Судебника (1497 г. — Е. С.). Потому-то оно, как видно, редко присуждалось, а с другой стороны, люди, по-

⁴² См., например: АФЗХ-1. № 1-а. С. 15, 16.

⁴³ См., например: *Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1 (11). С. 128 ; *Пахман С. В.* Указ. соч. С. 183 ; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 362.

Особняком здесь стоит версия Л. Е. Лаптевой, по мнению которой фраза «а на труп кун не имати» означает, что победитель в поединке «не имел права требовать выкупа за тело с родственников», однако данная позиция нуждается в дополнительном обосновании (см.: История отечественного государства и права : учебник и практикум для вузов / под ред. Л. Е. Лаптевой. М., 2023. С. 82).

⁴⁴ *Пахман С. В.* Указ. соч. С. 183.

⁴⁵ Примерно о том же писал И. Д. Беляев: «Так как поле было одним из актов следственного судопроизводства и им открывали только правду или вину ищущей или ответчика, то оказавшийся виноватым передавался судьям для окончательного заключения по делу» (*Беляев И. Д.* Указ. соч. С. 57).

⁴⁶ АГР-1. № 49. С. 58–59.

⁴⁷ АГР-1. № 55. С. 81–82.

нимавшие его нелепость, соглашались скорее терять дело, чем прибегать к такому способу»⁴⁸.

В опубликованных актах второй половины XV — первой половины XVI в. можно найти информацию лишь о нескольких случаях назначения поля. В трех из них дела были прекращены в связи с неявкой на поединок. В 1498 г. в земельном споре братьев Струниных против митрополичьих крестьян села Каринского Переяславского уезда было присуждено поле между «послухами». Один из свидетелей со стороны истцов «у поля у креста не стал»⁴⁹, в связи с чем они просили отсрочить поединок, однако ответчики были против, заявив судье: «Срока им, господине, не давай, а они, господине, нас волочат, своего знахоря не ставят; доложи о том государя великого князя»⁵⁰. Этого аргумента оказалось достаточно, и дело было решено в пользу ответчиков⁵¹. Указная грамота рязанского великого князя Ивана Ивановича 1517 г. свидетельствует о том, что в споре о «бое и лае» (т.е. о побоях и оскорблении словом) между Кузьмой Лихачевым и Никитой Горбцовым также было назначено поле. Истец явился в срок и, ожидая ответчика, простоял у поля три дня, после чего судьи написали великому князю грамоту с просьбой «велети на Никите на Горбцове Куземкина безчестия и полевые пошлыны правити»⁵². В другом рязанском деле о грабеже и пожаре 1520 г. истцы и вовсе простояли у поля три недели⁵³. Эти примеры показывают, что четких критериев по срокам неявки, которые бы определяли поражение в поединке, на практике не существовало.

К упомянутым судебным спорам примыкает дело о «бое и грабеже» 1521 г.: истцы и ответчики явились к полю в срок, однако холоп ответчика, который также должен был участвовать в поединке, «от поля збежал»⁵⁴. Простояв у поля семь дней, на восьмой истцы били челом о прекращении разбирательства, что и послужило причиной выдачи им правой грамоты. Здесь нетрудно усмотреть аналогию со сроками выдачи «бессудной грамоты» в случае неявки одной из сторон на разбирательство по ст. 27 Судебника 1497 г., где сказано: «А безсудные давати с осмаго дня».

В других известных случаях поле также, по-видимому, закончилось без боя. Небольшие сомнения вызывает только дело 1543 г., где монастырскому слуге Троицкого монастыря Белых песков было присуждено поле в части иска простив посадских людей и попов г. Каширы. Состоялся бой в итоге или нет, правая грамота прямо не упоминает, но похоже, что он был отменен на докладе⁵⁵. В остальных случаях все очевидно. Так, в споре о землях 1462 г. после назначения судебного поединка «княгин Офросиня Микуле Парфеневу и племянником на поле лести не велела битися, ни их знахорем, а отступилас тех земель Захаровы деревни да Микулиных Чиркова новин да Чепелевы поляны великому князю»⁵⁶. В деле о рыболовных угодьях, датированном примерно 1464–1482 гг., истцы Сатя и Михалко, став у поля, предложили ответчику Остафею: «Поцелуй, господине, на том крест твои <...> ино, господине, мы готовы — збиты»⁵⁷. После целования креста вели-

⁴⁸ Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции: их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. С. 48.

⁴⁹ АФЗХ-1. № 117. С. 111.

⁵⁰ АФЗХ-1. № 117. С. 111.

⁵¹ АФЗХ-1. № 117. С. 111.

⁵² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3 / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1964. № 377. С. 394 (далее — АСЭИ-3).

⁵³ Древние грамоты и акты Рязанского края / сост. А. Н. Пискарев. СПб., 1854. № 13. С. 14.

⁵⁴ АФЗХ-1. № 1-а. С. 15.

⁵⁵ АГР-1. № 57. С. 110.

⁵⁶ Мейчик Д. М. Указ. соч. № IV-1. С. 109.

⁵⁷ АСЗ-4. № 494. С. 363.

кий князь ответчика «оправил»⁵⁸. Указная грамота рязанского великого князя Ивана Ивановича, составленная около 1514–1519 гг., также упоминает о поединке, присужденном его боярами в споре Бориса Мосолова и Ивана Иванова, с предписанием «спустить с поль» тяжущихся, т.е. освободить их от назначенной процедуры⁵⁹.

Итак, сохранившийся актовый материал свидетельствует о постепенном отказе от практики проведения таких поединков. Однако упоминания о поле не исчезают из правых грамот XVI в. еще очень долгое время. Судьи стараются «получить ясность без этого крайнего средства»⁶⁰, не только исследуя другие доказательства, но и учитывая заявления сторон по поводу возможного проведения поединка.

Отказ от участия в поле чаще всего приводил к проигрышу дела, хотя и не всегда, как полагают некоторые исследователи⁶¹. Так, из правой грамоты, составленной около 1463 г., следует, что старцы Симонова монастыря выиграли спор о земле, несмотря на отказ от участия в судебном поединке. В ответ на ходатайство истцов о проведении поля с участием «знахорей» монастырские старцы заявили: «А на поле, господине, мы своим знахорем лести не велим»⁶². Отказ был мотивирован тем, что спорные земли были «очищены великого князя грамотою жаловальною Василья Васильевича»⁶³. Опираясь на предъявленный документ, Иван III вынес решение в пользу монастыря⁶⁴.

В других случаях, когда отказавшаяся сторона не предоставляла убедительных доказательств своей правоты, отказ от поединка имел определяющее значение, что указывалось в мотивировочной части судебного решения⁶⁵. Причины отказа, если они не были связаны с наличием других доказательств, во внимание не принимались. Так, например, в земельном споре 1511 г. дети боярские (свидетели со стороны истца) проявили своего рода социальную гордость, заявив, что с монастырскими крестьянами в бой вступать не будут: «...а поставят, г-не, против нас детей боярских, и мы, г-не, против детей боярских на поле битися лезем»⁶⁶. Никакого отклика у судей такая аргументация не вызвала, и дело было решено в пользу ответчика⁶⁷. Несмотря на то что разбирательство по данному делу состоялось задолго до издания Судебника 1550 г., М. Ф. Владимирский-Буданов рассматривал его как иллюстрацию к ст. 14 данного акта («А битися на поле бойцу з бойцом...»), замечая, что в судебном поединке «требуется только равенство физических сил; никакие другие различия не принимаются во внимание»⁶⁸, в том числе, очевидно, и социальные.

Так же часто, как и отказ от участия в предложенном поединке, на решение суда влияло отсутствие ходатайства о проведении поединка как такового. Во множестве правых грамот можно встретить указание на то, что истец или ответчик проиграли дело, потому что они сами или их свидетели, имея шаткие позиции в споре, поля не просили⁶⁹. А вот заявленная просьба о

⁵⁸ АСЗ-4. № 494. С. 363.

⁵⁹ АСЭИ-3. № 375. С. 393.

⁶⁰ Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 406.

⁶¹ См., например: Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. М., 2005. С. 176.

⁶² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 2 / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1958. № 375. С. 372–373 (далее — АСЭИ-2).

⁶³ АСЭИ-2. № 375. С. 373.

⁶⁴ АСЭИ-2. № 375. С. 373.

⁶⁵ См., например: АСЭИ-2. № 334. С. 322 ; АФЗХ-1. № 222. С. 196 ; СА. Вып. 1. Разд. II. № IV, XIII. С. 134, 239.

⁶⁶ АГР-1. № 51. С. 68.

⁶⁷ АГР-1. № 51. С. 68.

⁶⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Ярославль, 1873. С. 115.

⁶⁹ См., например: АГР-1. № 57, 71. С. 104, 191 ; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1 / сост. А. В. Антонов и К. В. Баранов. М., 1997. № 277. С. 262 ; АСЗ-4. № 338. С. 257 ; АСЭИ-2. № 414.

проведении поединка, как правило, решение по делу не определяла, и судьи могли выслушивать подобные ходатайства многократно, рассчитывая выявить более веские доказательства правоты одной из сторон⁷⁰.

Нежелание судей назначать судебные поединки привело к тому, что во второй половине XVI в. началось отмирание поля как средства доказывания. Особую роль в этом, по-видимому, сыграл приговор о губных делах, утвержденный 22 августа 1556 г. Рассматривая различные ситуации, которые могут возникнуть при рассмотрении судебного спора, статьи 1, 2, 4, 8 и 9 этого акта настойчиво требуют «поль не присуждати» и дела «вершити без поля и целованья»⁷¹. Лишь статья 20 допускает проведение поединка, с оговоркой: «...а станет бить челом ответчик, что ему стояти у поля не мочно, чтобы присудили крестное целование, ино поля отставити, а дати на воле истцу: хочет сам целует или ему даст»⁷². Единственный известный случай назначения поединка во второй половине XVI в. является замечательной иллю-

страцией применения этой статьи. Так, правая грамота 1562 г. сообщает о присуждении поединка в деле «о бое и грабеже» между Троицким Сергиевым монастырем и посадскими людьми г. Балахны с возможностью замены поединка целованием креста: «А не похотят оба истца поля, и им дати крестное целование»⁷³. В итоге тяжущиеся просили решить дело без поля и «на срок став, у целованья помирились»⁷⁴.

К концу XVI в. просьбы о назначении поединка стали чистой формальностью и постепенно исчезли из судебных актов. Последние упоминания о поле в правых грамотах приходятся на 1580-е — начало 1590-х гг.⁷⁵ В законодательстве они сохранялись несколько дольше. Так, поле фигурирует в ст. 18 Второй указной книги Разбойного приказа 1616/1617 г.⁷⁶, но, судя по всему, это явление уже считалось анахронизмом и никакого практического значения не имело. Не удивительно поэтому, что Соборное уложение 1649 г., обобщившее право Московской Руси, о судебных поединках совсем не упоминает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. — М., 2005. — 228 с.
2. Антонов А. В. Клинические акты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. — Вып. 4. — М., 1998. — С. 53–110.
3. Беляев И. Д. Поле // Москвитянин. — 1855. — Т. 4. — № 13–14. — С. 33–62.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 2. — Ярославль, 1873. — 220 с.
5. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. — М., 1869. — 420 с.

С. 445–446 ; АФЗХ-1. № 306. С. 256 ; Акты, относящиеся до юридического быта России. Т. 1. СПб., 1857. № 52 (VI). С. 218 ; Антонов А. В. Клинические акты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. № 6. С. 74.

⁷⁰ Подробнее см.: Dewey H. W. Judges and the Evidence in the Muscovite Law // The Slavonic and East European Review. Vol. 36. No. 86. P. 191.

⁷¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. № 16. С. 39, 40 (далее — ЗАРГ).

⁷² ЗАРГ. № 16. С. 42.

⁷³ АГР-1. № 75. С. 216.

⁷⁴ АГР-1. № 75. С. 216.

⁷⁵ См., например: грамоты 1584, 1588 и 1591 гг.: АСЗ-4. № 338. С. 257 ; № 497. С. 368 ; № 506. С. 402.

⁷⁶ ЗАРГ. № 80. С. 88.

6. *Игнатенко В. А.* Судебные процедуры «ордалии» и «поле» в контексте правовой культуры древнерусского общества как прообразы судебных экспериментов и экспертиз: теоретико-правовой аспект // Формирование правовой культуры молодежи в условиях современной образовательной среды : материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции. — Красноярск, 2021. — С. 31–36.
7. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. — СПб., 1869. — 214 с.
8. История отечественного государства и права : учебник и практикум для вузов / под ред. Л. Е. Лаптевой. — М., 2023. — 570 с.
9. История суда и правосудия в России. Т. 1 / отв. ред. С. А. Колунтаев, В. М. Сырых. — М., 2017. — 640 с.
10. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). — М., 1985. — 280 с.
11. *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции: их форма, содержание и значение в истории русского права. — М., 1883. — 168 с.
12. *Михайлова И. Б.* Полевой поединок — норма права в средневековой Руси // История повседневности. — 2016. — № 1 (1). — С. 136–153.
13. *Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2010. — № 1 (11). — С. 127–131.
14. *Пахман С. В.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. — М., 1851. — 222 с.
15. *Пашкова Т. И.* Судебный поединок («поле») на страницах законодательных памятников средневековой Руси // Клио. — 2004. — № 3 (26). — С. 57–62.
16. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. — М., 1984. — 520 с.
17. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский. — М., 1985. — 432 с.
18. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1910. — 674 с.
19. *Смирнов А. М.* Судебный поединок в Древней Руси как вид внесудебного разбирательства // Российский судья. — 2014. — № 2. — С. 39–41.
20. *Dewey H. W.* Judges and the Evidence in the Muscovite Law // The Slavonic and East European Review. — Vol. 36. — No. 86. — P. 189–194.

Материал поступил в редакцию 3 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Ampleeva T. Yu.* Po zakonu russkomu. Istoriya ugolovnoy sudoproizvodstva Drevney Rusi. — M., 2005. — 228 s.
2. *Antonov A. V.* Klinskie akty XV–XVI vekov // Russkiy diplomatariy. — Vyp. 4. — M., 1998. — S. 53–110.
3. *Belyaev I. D.* Pole // Moskvityanin. — 1855. — T. 4. — № 13–14. — S. 33–62.
4. *Vladimirovskiy-Budanov M. F.* Khrestomatiya po istorii russkogo prava. — Vyp. 2. — Yaroslavl, 1873. — 220 s.
5. *Dyuvernua N. L.* Istochniki prava i sud v Drevney Rossii. — M., 1869. — 420 s.
6. *Ignatenko V. A.* Sudebnye protsedury «ordalii» i «pole» v kontekste pravovoy kultury drevnerusskogo obshchestva kak proobrazy sudebnykh eksperimentov i ekspertiz: teoretiko-pravovoy aspekt // Formirovaniye pravovoy kultury molodezhi v usloviyakh sovremennoy obrazovatel'noy sredy: materialy regional'noy (mezhvuzovskoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Krasnoyarsk, 2021. — S. 31–36.
7. *Izvestiya o Khozarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Madyarakh, Slavyanakh i Russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya.* — SPb., 1869. — 214 s.

8. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov / pod red. L. E. Laptevoy. — M., 2023. — 570 s.
9. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 1 / otv. red. S. A. Koluntaev, V. M. Syrykh. — M., 2017. — 640 s.
10. Kobrin V. B. Vlast i sobstvennost v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.). — M., 1985. — 280 s.
11. Meychik D. M. Gramoty XIV i XV vv. Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii: ikh forma, so derzhanie i znachenie v istorii russkogo prava. — M., 1883. — 168 s.
12. Mikhaylova I. B. Polevoy poedinok — norma prava v srednevekovoy Rusi // Istoriya povsednevnosti. — 2016. — № 1 (1). — S. 136–153.
13. Ospennikov Yu. V. Bozhiy sud v drevnerusskom prave // Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 1 (11). — S. 127–131.
14. Pakhman S. V. O sudebnykh dokazatelstvakh po drevnemu russkomu pravu, preimushchestvenno grazhdanskomu, v istoricheskom ikh razvitii. — M., 1851. — 222 s.
15. Pashkova T. I. Sudebnyy poedinok («pole») na stranitsakh zakonodatelnykh pamyatnikov srednevekovoy Rusi // Klio. — 2004. — № 3 (26). — S. 57–62.
16. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 1 / otv. red. V. L. Yanin. — M., 1984. — 520 s.
17. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 2 / otv. red. A. D. Gorskiy. — M., 1985. — 432 s.
18. Sergeevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. — SPb., 1910. — 674 s.
19. Smirnov A. M. Sudebnyy poedinok v Drevney Rusi kak vid vnesudebnogo razbiratelstva // Rossiyskiy sudya. — 2014. — № 2. — S. 39–41.
20. Dewey H. W. Judges and the Evidence is the Muscovite Law // The Slavonic and East European Review. — Vol. 36. — No. 86. — P. 189–194.